

Посвящается Маргарет Гийом

Лидерство предполагает наличие большого творческого потенциала, но оно может приобретать дьявольский характер...

Йэн Смэтс

Предисловие

Говорит писатель:

Первый вопрос, задаваемый писателю, лично или посредством почты, звучит так:

— Где вы черпаете свои идеи?

Велико искушение ответить:

— Я постоянно хожу в «Хэрродс».

Или:

— Я черпаю их в универмаге Армии и Флота.

Или с раздражением:

— Вероятно, в «Маркс энд Спенсер»¹.

Похоже, в головах людей твердо укоренилось мнение, будто писатели нашли дорогу к некоему волшебному источнику идей.

Вряд ли кому-то под силу послать корреспондента в елизаветинскую эпоху с вопросом к Шекспиру:

¹ «Хэрродс», «Маркс энд Спенсер» — крупные сетевые торговые центры в Англии.

6 Агата Кристи

Ответь мне, где фантазия рождается:
В умах или в сердцах?
И что ее, растая, питает?
Ответь, ответь¹.

Вы твердо заявляете:

— В моей голове.

Это, разумеется, никому ничего не объясняет. Если вам нравится внешний вид вашего корреспондента, вы смягчаетесь и становитесь чуть откровеннее.

— Если какая-то определенная идея представляется привлекательной и вам кажется, что из нее может что-то получиться, вы носитесь с нею, обдумываете ее и постепенно придаете ей форму. Затем вам, естественно, нужно приступить к ее изложению на бумаге. Это отнюдь не развлечение, но тяжкий труд. Можно также оставить ее про запас, тщательно спрятав в тайнике памяти, чтобы использовать потом, через год-другой.

Второй вопрос — или, скорее, утверждение — обычно звучит так:

— Полагаю, большинство персонажей вы заимствуете из реальной жизни?

Это чудовищное предположение вызывает негодование.

— Нет. Я придумываю их. Они *мои*. Они должны делать то, что я хочу, и быть такими, ка-

¹ Шекспир У. «Венецианский купец».

кими мне нужно, — живыми, иногда имеющими собственные идеи, но только потому, что они являются *реальными* по моей воле.

Таким образом, писатель вырабатывает идеи и создает персонажи. Но необходим также и третий компонент — декорации. Первые два компонента появляются из внутренних источников, но третий — из внешнего — он уже существует и ждет своего часа. Его не придумывают, он реален.

Вероятно, вы плавали на круизном судне по Нилу и помните, в каких декорациях вам хотелось бы видеть события данного романа. Вы пообедали в кафе в Челси. Там вспыхнула ссора — одна девушка вцепилась другой в волосы. Прекрасное начало для вашей следующей книги. Вы путешествуете в «Восточном экспрессе». Как не сделать его местом действия для сюжета, над которым вы работаете? Вы отправляетесь на чашку чая к подруге. Когда вы приходите к ней, ее брат закрывает книгу, которую читал, и швыряет в сторону со словами:

— Неплохо, но почему не Эванс?

Вы тут же принимаете решение: книга, которая в скором времени выйдет из-под вашего пера, будет носить название «Почему не Эванс?»

Вы еще не знаете, кем будет Эванс. Не имеет значения. Эванс появится в свое время — название обязывает.

Таким образом, в определенном смысле, вы не изобретаете свои декорации. Они суще-

8 *Агата Кристи*

ствуют независимо от вас. Они окружают вас. Достаточно протянуть руку и выбрать то, что вам нужно. Поезд, больница, лондонский отель, берег Карибского моря, деревня, светская вечеринка, школа для девочек...

Действует лишь одно правило — декорации должны существовать. Реальные люди, реальные места. Определенное место во времени и пространстве. Если действие происходит здесь и сейчас — как вы будете получать полную информацию, помимо того, что видят ваши глаза и слышат ваши уши? Ответ на этот вопрос ужасающе прост.

Это то, что пресса каждый день преподносит вам в вашей утренней газете под общим заголовком «Новости». Изучайте сообщения, содержащиеся на первой странице. Что сегодня происходит в мире? Что люди говорят, думают, делают? Смотрите на зеркальное отражение Англии 1970 года. Изучайте эту первую страницу каждый день в течение месяца, делайте записи, анализируйте и классифицируйте.

Каждый день случается убийство.

Задушена девушка.

Ограблена пожилая женщина, лишившаяся своих скудных накоплений.

Напали или подверглись нападению молодые люди или подростки.

Разбиты телефонные будки и обворованы дома.

Процветает контрабанда наркотиков.

Пропали дети, тела которых найдены неподалеку от их дома.

Может ли это происходить в Англии? Неужели Англия действительно такова? Вроде бы нет — пока, — но могла бы быть.

Страшно проснуться — страшно увидеть то, какой бы она могла быть. Не столько из-за реальных событий, сколько из-за стоящих за ними возможных причин. Некоторые из них известны, другие неизвестны, но *ощущаются*. И не только в нашей стране. На других страницах напечатаны менее объемистые статьи с известиями из Европы, Азии, Америки — всемирные новости.

Угоны самолетов.

Похищения людей.

Насилие.

Беспорядки.

Ненависть.

Анархия.

И ситуация с каждым днем только усугубляется.

В результате в обществе формируется культ разрушения и жестокости.

Что все это означает? Эхом из прошлого звучит определение, данное Жизни в елизаветинскую эпоху:

...это повесть,

Которую пересказал дурак:

В ней много слов и страсти, нет лишь смысла¹.

¹ Шекспир У. «Макбет». Пер. Ю. Корнеева.

И все же люди знают — из собственного опыта, — сколько доброты существует в этом нашем мире — милосердия, сострадания, взаимопомощи.

Так почему же образовалась эта фантастическая атмосфера повседневных новостей — отражающих реальные *факты*?

Для того чтобы написать историю в этом, 1970-м, году, нужно примениться к фону, на котором разворачиваются описываемые события. Если этот фон фантастический, то и история должна быть фантазией — фантаσμαгорией. Декорации должны включать в себя фантастические факты повседневной жизни.

Можно ли представить себе фантастическую причину? Тайный заговор с целью захвата власти? Способна ли маниакальная жажда разрушения привести к созданию нового мира? Можно ли сделать еще один шаг и предложить спасение с помощью фантастических, кажущихся невозможными средств?

Нет ничего невозможного, учит нас наука.

Эта история, в сущности, представляет собой фантазию. Ни на что большее она не претендует.

Тем не менее большая часть происходящих в ней событий происходит или обещает произойти в современном мире.

Это отнюдь не невозможная история — она лишь фантастическая.

Книга первая

ПРЕРВАННАЯ ПОЕЗДКА

Глава 1

ПАССАЖИР ИЗ ФРАНКФУРТА

I

— Пристегните, пожалуйста, ремни.

Пассажиры в салоне самолета не спешили подчиниться. Никто не верил, что они уже снижаются над Женевой. Многие громко звали. Наиболее сонных вежливо, но настойчиво будили представительные стюардессы:

— Пристегните, пожалуйста, ремни.

Голос из громкоговорителя фирмы «Ганной» звучал сухо и властно. На немецком, французском и английском он сообщил, что в скором времени последует кратковременный период болтанки. Зевнув во весь рот, сэр Стаффорд Най выпрямился в кресле. Ему снился чрезвычайно приятный сон о том, как он ловил рыбу в английской реке.

Это был мужчина сорока пяти лет, среднего роста, с гладким, чисто выбритым лицом оливкового цвета, склонный к экстравагантности в одежде. Происходивший из прекрасной семьи, в сфере портняжного искусства он мог позво-

лить себе любые причуды. Ему доставляло злобное удовольствие, когда его более традиционно одетые коллеги морщились при взгляде на него. В нем было что-то от шеголя девятнадцатого века. Он любил, чтобы его замечали.

Во время поездок сэра Най обычно привлекал к себе внимание купленным однажды на Корсике плащом, похожим на бандитский. Этот плащ имел очень темный лилово-синий оттенок, алую подкладку и капюшон, который он натягивал на голову, когда хотел защититься от дождя или ветра.

В дипломатических кругах Стаффорд Най вызывал всеобщее недоумение. Отличавшийся в молодости талантами, сулившими ему большие успехи в карьере, он странным образом не сумел оправдать возлагавшихся на него надежд. Своеобразное, сатанинское чувство юмора доставляло ему неприятности в самые серьезные, ответственные моменты. Когда наступали такие моменты, он не мог удержаться от того, чтобы не продемонстрировать свою утонченную, шаловливую злость. Он был хорошо известен в обществе, но так и не достиг высокого положения. Чувствовалось, что Стаффорд Най, несмотря на несомненную яркость его личности, не был — и, вероятно, никогда не стал бы — надежным человеком. Во времена сложных политических перипетий и запутанных международных отно-

шений такое качество, как надежность — в особенности если человек собирался получить ранг посла, — было более предпочтительным, нежели яркость личности. Сэр Най был отодвинут на задний план, хотя время от времени ему доверяли миссии, которые требовали владения искусством интриги, но не имели слишком большого значения и заметного общественного резонанса. Журналисты иногда называли его темной лошадкой дипломатии.

Никто не знал, испытывал ли Стаффорд разочарование в отношении своей карьеры. Вероятно, об этом не знал даже сам сэр Най. Ему было присуще определенное тщеславие, но при этом он получал большое удовольствие от различного рода проказ.

В настоящий момент он возвращался с заседания следственной комиссии из Малайи¹. По его мнению, оно было на редкость скучным. Его коллеги по комиссии, как ему показалось, заранее решили, каковы будут их заключения. Они смотрели и слушали, но это никак не повлияло на их уже сформировавшиеся взгляды. Стаффорд вставил им несколько палок в колеса — скорее забавы ради, нежели из каких-либо убеждений. Во всяком случае, это оживило заседание. Он жалел,

¹ Хотя в 1970 г. британская колония, называемая в метрополии Малайя, уже получила независимость и стала Малайзией, автор употребляет старое, привычное название.

что у него не было еще больше возможностей для этого. Члены комиссии были здравомыслящими, достойными людьми — и на редкость скучными. Даже знаменитая миссис Натаниэль Эдж, единственная женщина в составе комиссии, известная своей склонностью к всевозможным навязчивым идеям, проявляла благоразумие, когда дело сводилось к простым фактам. Она смотрела, слушала и действовала вполне эффективно.

Сэр Най встречался с нею однажды, когда возникла необходимость найти решение проблемы в столице одного из балканских государств. Тогда Стаффорд не смог удержаться от озвучивания нескольких интересных предложений. В журнале «Инсайд ньюс», любившем скандалы, высказывалось предположение, будто присутствие сэра Стаффорда Ная в этой столице было непосредственно связано с балканской проблемой и его миссия носила в высшей степени секретный, деликатный характер. Один из друзей прислал Стаффорду этот номер, где соответствующий абзац был помечен карандашом. Сэра Ная это отнюдь не удивило. Он прочитал заметку с довольной ухмылкой на лице. Его немало позабавила мысль о том, насколько далеки от истины оказались журналисты в этом нелепом предположении. Своим присутствием в Софии Стаффорд был обязан исключительно невинному интересу к редким дикорастущим цветам,

а также настойчивым просьбам престарелой леди Люси Клегхорн, с которой он давно дружил и которая не знала устали в поисках этих дурацких цветков. Она была готова в любой момент ловко вскарабкаться на скалу или лихо прыгнуть в болото за каким-нибудь редким экземпляром, длинна латинского названия которого, как правило, обратно пропорциональна его размерам.

Небольшая группа энтузиастов занималась этими ботаническими изысканиями на склонах гор уже в течение десяти дней, когда Стаффорд пожалел, что заметка не отражает истины. Он немного — только лишь немного — устал от дико-растущих цветов. Несмотря на нежные чувства, испытываемые им к Люси, неумная энергия, с какой она носилась по склонам холмов в свои шестьдесят с лишним лет, легко обгоняя его, иногда вызывала у него раздражение. Перед его глазами постоянно мелькали ее штаны из рубчатого вельвета роскошного ярко-синего цвета, и хотя Люси обычно выглядела достаточно худой, теперь — одному богу известно почему — ее бедра казались ему слишком широкими. Славный маленький пирог, состряпанный на кухне международной политики, подумал он, в который можно было бы запустить пальцы и что-нибудь вылепить...

В салоне самолета вновь раздался металлический голос громкоговорителя. Он сообщил о том,